Т. Г. Стоцкая

ФЕНОМЕН РАЦИОНАЛЬНОСТИ: ФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Работа представлена кафедрой философии и истории Самарского государственного архитектурно-строительного университета.

В статье рассмотрен эвристический потенциал категории «рациональность», показаны основные подходы к ее изучению. Автор выделяет исходные характеристики и генетические корни рациональности, анализирует причины кризисного состояния идеи «ratio» в современном гуманитарном знании. Обсуждаются дальнейшие перспективы теоретического осмысления феномена «рациональность».

Ключевые слова: *рациональность, наука, знание.*

T. Stotskaya

PHENOMENON OF RATIONALITY: PHILOSOPHICAL TRADITION AND MODERN INTERPRETATIONS

The heuristic potential of the "rationality" category is considered and the basic approaches to its studying are shown in the article. The author allocates the initial characteristics and genetic roots of rationality, analyses the reasons for the crisis of the "ratio" idea in modern humanitarian knowledge. Further prospects for theoretical conceptualisation of the "rationality" phenomenon are discussed.

Key words: *rationality, science, knowledge.*

Одной из широко обсуждаемых в философской литературе является проблема определения социального и эпистемологического статуса современной науки. Решение данной задачи с неизбежностью предполагает реконструкцию понятия «рациональность». Именно оно лежит в основании демаркации научной картины мира от других, например, мифологической или религиозной. В научном сообществе эта проблематика всегда была в центре внимания. Как считает В. Циммерли, «основная и ключевая проблема, вокруг которой движется континентальноевропейская философия наших дней, – это тема рациональности и ее границ» [14, S. 327]. Не менее оживленно данная тема обсуждается и в отечественной литературе [см.: 9]. Отметим, что вопрос о природе рациональности – не чисто теоретический, но и жизненно-практический. Это обстоятельство связано с нарастающим беспокойством о судьбе современной цивилизации, перводвигателем которой является наука. «Кризисы, порожденные технотронной цивилизацией, и прежде всего экологический – вот что в конечном счете стоит за сегодняшним столь широким интересом к проблеме рациональности», – отмечает П. П. Гайденко [2, с. 3].

Кроме того, в эпоху постмодерна, заявившего во весь голос о разрыве с культурой классической, активно осуществляется процесс, с тревогой наблюдаемый философами: «Интернет, телевидение отвоевывают сознание человека, переопределяя его в противоположном к классической рациональности направлении» [7, с. 20]. Активно ведущиеся дискуссии (как академического, так и публицистического уровней) не только не прояснили современное состояние понятия рациональности, но, напротив, привели к тому, что крайне неопределенными стали как само понятие, так и основания его уточнения. Во все большей мере раскрывается неуловимость и неопределенность рассматриваемого фено-

мена. Поначалу исследователи еще могли предполагать, что примерно одинаково понимают смысл этого термина, но постепенно, по мере углубления дискуссий, стало очевидным, что подобная вера безосновательна. В итоге получилось, что рациональность предстала перед исследователями как «нечто необозначенное», которому различные определения и подходы стремятся навязать какую-то готовую форму, но она каким-то необъяснимым образом ускользает из этих форм или умирает в них.

Какое же содержание скрыто в этом феномене? Рациональным мы часто называем логичное рассуждение, мотивированный поступок, научный подход к проблеме, экономный метод хозяйствования; кроме того поведение, основанное на четком осознании собственных интересов, а также решения, в которых сиюминутные мотивы подчиняются долговременным потребностям. Продолжая перечисление, рациональным можно считать метод лечения, основанный на современных достижениях медицинской науки и техники, однако рациональным можно признать и использование, насколько это только возможно, традиционных, апробированных веками и более щадящих средств народной медицины. Помимо этого рациональным является следование принятым социальным образцам, но также и выступление против них, бунт, новаторство. Везде, как видим, можно обнаружить проявления или аспекты рациональности. Но в целом это понятие остается относительным и не вполне определенным. При всем многообразии подходов в трактовке феномена рациональности можно условно выделить три ведущие традиции: классическую интерпретацию рациональности, методологический и социокультурный подходы. Остановимся кратко на каждой из них.

В классической рационалистической традиции было выработано представление о тождестве разума самому себе и об индивидуальной свободе обладающего разумом человека. Несмотря на все перипетии «внешней истории», «внутренняя история» разума остается вполне стабильной. В этом плане Разум, рациональность – безусловны, ни при каких обстоятельствах Разум не может быть неразумным, нерациональным. Он по определению в высшей степени адекватен и целесообразен. Именно поэтому понятия «Разум», «рациональное» истолковываются как независимые от эпохи и конкретных условий, как нечто неизменное. Однако с течением времени стало очевидным, что *разумное* охватывает более широкую культурную сферу, нежели *рациональное*. Последний феномен выражает более узкий, специфический аспект истинного знания. Рационализация заявляет о себе тогда, когда начинается *рефлексия* по поводу знания (и познания), когда желающее удостовериться в собственной логической и философской вменяемости сознание хочет дать себе отчет о смысле собственной деятельности, о началах своей конституции. Рефлективный характер рационального – вовсе не обязательное условие истинного и разумного в широком смысле слова. Отождествление разумного с рациональным связано в новоевропейской цивилизации с приматом рационалистической философии и отнюдь не является само собой разумеющейся истиной.

Фундаментальная проблема эпистемологии Нового времени – поиск источников знания. Заявленная в борьбе эмпиризма и рационализма она являет собой, по сути, лингвистическую проблему, поскольку вся проблематика истолковывается рационалистически, даже эмпиризм – не более чем двойник рационализма: факты подвергаются «цензуре разума» (И. Кант). Рационализм Нового времени исходит из того, что в разуме присутствуют изначальные образования, которые не нуждаются в обосновании и служат отправным пунктом для выстраивания прочих знаний. Эти начала существовали до всякого опыта и от него независимы. Сущность нового рационализма была заключена в признании человеческого разума законополагающим. В этом плане, что такое сущее, превращается в вопрос о безусловном, непоколебимом основании истины. Именно в этот период ставятся под сомнение позиции метафизики как учения о разуме. Рациональность начинает принадлежать методу – процедуре измерения.

Важно подчеркнуть, что понятия разума, разумного, рационального имеют ярко выраженный ценностной характер. Более того, они выражают не просто ценности, но ориентированы на ценность высшую, божественную; они несут в себе нечто от Божественного Разума, Логоса. Именно в этом лежит источник высшей ценности рационального, а вовсе не в том, что это атрибут *индивидуального* человеческого рассудка. Как раз в этом заключено объяснение того, почему Разум ведет человека к особой духовной свободе и дает ему способность постижения сущности бытия и законов устройства Космоса. Ибо не только партикулярное человеческое сознание, но и весь универсум управляется законами Разума, Логоса. Здесь можно вспомнить учение Платона об уме, панлогизм Лейбница; тезис Галилея о «Книге природы» и т. д. Окружающий Мир устроен по рациональным логико-математическим принципам – так считали Галилей, Декарт, Лейбниц, Ньютон, в значительной степени сформировавшие классический идеал рациональности. Показателен в этой связи известный гегелевский тезис: «Все действительное разумно, все разумное действительно». В нем отражена вера в законосообразность глубинного устройства социальной реальности и истории.

Итак, согласно рационалистической традиции, разумен сам человеческий Разум, разумен Космос, разумен (в принципе, в идеале) сам человек, разумны история и общественное устройство. С позиций такого понимания рациональное оказывается целесообразным. По наблюдению И. Касавина и З. Сокулер, «подобное отождествление рационального с целесообразным и адекватным сохранилось и в современном языке и сознании (рациональное расходование средств, рациональный выбор путей достижения цели и т. п.)» [3, с. 10–11].

Классический подход к истолкованию рациональности исчерпал себя развитием самой науки. Историческая ограниченность рационалистических моделей познания стала очевидной после открытий в естествознании на рубеже XIX–XX вв. В частности, развитие физики привело к ломке представлений о реальности как устроенной гармонично, строго и четко по математическим принципам и логическим законам, присутствующим и в сознании исследователей. Физическая реальность постепенно начинает квалифицироваться как несравненно более сложная, несоизмеримая с человеческим разумом. Во все большей степени получают распространение статистические подходы, завоевывает признание принцип неопределенности. Кризис оснований математики, обнаружение парадоксов в самой логике, множественность и разнотипность функционирующих логических систем не могли не повлиять на саму идею рациональности как следования законам логики. Неожиданно выяснилось, что даже в этой суверенной обители – сфере чистой математики и логики – Разум с его логическими нормами и интуициями способен сталкиваться с противоречиями, и что логика не присутствует в человеческом разуме в достаточно четком и оформленном виде. Факт существования логико-математических парадоксов, а также формирование реалистического взгляда на историю познания засвидетельствовали, что разум – вовсе не монолитное, оторванное от своих реализаций образование. Напротив, практика использования разума формирует само его содержание, которое всегда существует только в конкретно-исторических формах. По образному выражению П. П. Гайденко: «Вместо одного разума возникло множество типов рациональности» [2, с. 5].

Необходимо отметить и влияние, оказанное на рационалистические принципы изменением представлений о человеке и его природе. Кьеркегор, Ницше, философия жизни, позднее психоанализ и экзистенциализм продемонстрировали всю сложность и противоречивость человеческой личности, раскрыли роль эмоций, фантазий, интуиции, показали влияние подсознательного на сферу сознания, в том числе и на мыслительную деятельность. Изложенное выше позволяет заключить, что

существенные трансформации в интерпретации феномена «рациональности», которые прослеживаются в современных дискуссиях, связаны с конкретной *исторической* формой рациональности, а именно с тем классическим представлением о рациональности, которое восходит к эпохе Нового времени. Именно поэтому современный кризис идеи рациональности – это, конечно, кризис *классических* представлений о рациональности. Он выступает симптомом более общего кризиса идейно-мировоззренческих оснований классического европейского сознания.

Вторая (не по значению, а по времени оформления) интерпретация рациональности связана с постановкой проблемы о «научной рациональности». Эта традиция, в эксплицитной форме сформулированная Карлом Поппером, в значительной мере сохраняется и в настоящее время. «В современном типе культуры, – пишет, к примеру, Н. С. Юлина, – наука является наиболее развитой формой знания. Она в наибольшей степени отвечает требованиям, предъявляемым к рациональному знанию, – требованиям определенности, точности, простоты, последовательности, критичности, обоснованности и т. п. И всякое знание должно стремиться к этому» [13, с. 66]. В русле данной традиции находится также понимание рациональности как логической последовательности, теоретической строгости [6, с. 18].

Необходимо отметить, что все подходы к определению научной рациональности неявно полагают за ней ряд свойств. Прежде всего она, являясь выражением сущности науки, неизменна и вневременна. Например, если утверждалось, что сущностью науки является индуктивный метод, то это означало, что любая наука всегда и везде характеризуется индуктивным методом, а если где-то дело обстоит иначе, то это просто не наука. Нетрудно установить, что в данном случае, как, впрочем, и в классической трактовке рациональности, для рациональности не предусмотрено координатных осей истории, изменчивости. Далее, научная рациональность выступает в качестве метода исследования либо норматива оценки и проверки научных утверждений. Вопрос о сущности науки и научной рациональности был поставлен и решался как методологический. Отметим, что вследствие отождествления научной рациональности с неизменной сущностью науки был предопределен подход к ней как к строго определенному и единственно возможному научному методу. В этом смысле можно говорить, что такое истолкование дает формальное определение рациональности, ибо последняя оказывается формулой, которой ученый должен безусловно следовать. Следование методологическим нормативам научной рациональности призвано защитить ученых от влияния ценностных факторов, как и, впрочем, любых иных влияний «извне». Подобные влияния мыслились как искажающие исследовательскую деятельность, сбивающие ученого с единственного пути, ведущего к объективному научному знанию.

Анализ свидетельствует, что научная рациональность – это не совсем то, что ratio классического рационализма, однако между данными понятиями существует и глубокая внутренняя связь. В частности, понятие научной рациональности разделяет с ratio идею логического закона. Собственно говоря, «научная рациональность мыслится как квинтэссенция ratio и логики, как закон и норматив разума в его наиболее адекватном и чистом применении» [3, с. 15].

Согласно позиции представителей школы историков науки, рациональность являет набор нормативных правил и схем научного исследования. Этот «набор» конкретизировался философами науки в весьма широком спектре, крайние позиции в котором представлены Карлом Поппером, трактовавшим рациональность как критичность научной рефлексии, и Полем Фейерабендом, считавшем, что овладение всей сложностью рациональности есть задача неосуществимая. Другой видный методолог науки Т. Кун считал, что рациональность задается «формой жизни» или «языковой игрой», в рамках которой

мы пребываем. С. Тулмин связывал научную рациональность с объяснительной способностью научной дисциплины.

Вместе с тем общая тенденция во всем этом многообразии прослеживалась как сопоставление научной рациональности не с комплексом внутринаучных правил, а с ценностями внешнего бытия. Так, Л. Лаудан предложил сетчатую модель научной рациональности, в которой научные исследования направляются аксиологией, и даже не одной. А Ю. Хабермас заметил, что существует лишь одна вечная рациональность, имеющая своей задачей обнаруживать всеобщее под разнообразием страстей и предрассудков [см.: 12, с. 58]. Если наука – наиболее адекватная и целесообразная форма познания реальности, то, стало быть, иные формы освоения мира (мифология, религия и т. п.) – менее адекватны; ненаучное знание должно уступить место научному, признав ее превосходство.

Однако некоторых методологов (например, П. Фейерабенда) данное обстоятельство не устроило. Более того, выстраивая собственную концепцию «эпистемологического анархизма», исследователь пришел к выводу, что наука – это предприятие иррациональное. Рациональности в ней не больше, чем в мифах и религии. Фейерабенд, критикуя традиционное понимание рациональности, предложил целую программу «анархистской» методологии, главными интенциями которой являются контриндуктивные действия. К таковым автор относит выдвижение гипотез, противоречащих хорошо подтвержденным теориям и обоснованным фактам [11, с. 148–149]. С его точки зрения, необходим постоянный поиск новых методов и новых теории, однако использовать их нужно до тех пор, пока они не превратились в догму, и не связывать истинность и рациональность доктрин лишь с истинностью и рациональностью этих методов и теорий.

История науки убедительно свидетельствует, что методологические ситуации настолько разнообразны, что задать абсолютно неизменный набор принципов невозможно: будет либо слишком жестким, либо слишком расплывчатым. Что ведет, соответственно, к торможению развития науки или к фактическому отсутствию ограничений. Кроме того, представление об особой рациональности научного метода предполагает, что постоянны и неизменны не только метод, но и цель науки. Последняя варьируется исторически, от эпохи к эпохе, от одного сообщества ученых к другому. Среди целей можно выделить стремление к истине самой по себе и выполнение заказов военно-промышленного комплекса; проникновение в тайны мироздания и построение теорий, дающих экономический эффект; интеллектуальную любовь к богу и стремление к построению наиболее простых моделей мироздания. Количество примеров можно увеличить. Безусловно, можно считать единой целью науки поиск истины. Но разве стремление к истине присуще только науке? Разве этого нельзя сказать о теологии, философии, искусстве? Даже в здравом смысле и традициях народной медицины мы не можем отрицать наличия определенных элементов истины. Таким образом, можно констатировать некоторую ограниченность подхода к научной рациональности как к определенному методу исследования.

Социокультурная интерпретация рациональности связана в первую очередь с концепцией М. Вебера [1, с. 345–415]. Известно, что со второй половины XIX в. этнографические исследования предложили обширный материал о так называемых примитивных культурах. Обозначившаяся дихотомия «рациональных» и «традиционных» обществ явилась мощным стимулом к разработке идеи двух типов рациональности, названных М. Вебером ценностной и целевой. Первый тип характеризует как раз «традиционные» общества. Это означает, что в них межчеловеческие отношения строятся в соответствии с некоторой системой ценностей, незыблемость которой гарантируется исторической традицией. Целерациональность характеризует, по мысли Вебера, жизнедеятельность и

отношения людей в рамках буржуазного общества. Деятельность квалифицируется здесь как рациональная, если она адекватна некоторой цели, а эта цель, собственно, является средством для достижения следующей цели. Исследователь убежден, что рационализация социального действия представляет собой тенденцию самого исторического процесса. Хотя этот процесс протекает не без осложнений, европейская история последних столетий и вовлечение иных, неевропейских, цивилизаций на путь индустриализации, свидетельствуют, по Веберу, что рационализация является феноменом всемирно-историческим. «Одной из существенных компонент “рационализации” действия является замена внутренней приверженности привычным нравам и обычаям планомерным приспособлением к соображениям интереса. Конечно, этот процесс не исчерпывает понятия “рационализация” действия, ибо последняя может протекать, кроме того, позитивно – в направлении сознательной ценностной рационализации – и негативно – не только за счет разрушения нравов, но также и за счет вытеснения аффективного действия и, наконец, за счет вытеснения и ценностно-рационального поведения в пользу чисто целерационального, при котором уже не верят в ценности» [1, с. 22].

Рационализация, согласно взглядам Вебера, являет собой результат соединения целого ряда исторических факторов, предопределивших направление развития Европы за последние несколько столетий. Пересечение этих факторов не рассматривается ученым как нечто заранее предопределенное: случилось так, что в определенный временной период в конкретном районе мира встретились несколько феноменов, несших в себе рациональное начало: античная наука, особенно математика, дополненная в эпоху Возрождения экспериментом и приобретшая – во времена Галилея – характер новой, экспериментальной науки, внутренне связанной с техникой; рациональное римское право, какого не знали прежние типы общества и которое получило на европейской почве дальнейшее развитие; рациональный способ ведения хозяйства, возникший благодаря отделению рабочей силы от средств производства. Инспирирующим фактором, синтезировавшим все эти элементы, оказался протестантизм, создавший мировоззренческие предпосылки для осуществления рационального способа ведения хозяйства (прежде всего для внедрения в экономику достижений науки и превращения последней в непосредственную производительную силу). Экономический успех был возведен протестантской этикой в религиозное призвание. В Европе впервые возник прежде никогда не существовавший и потому не имеющий аналогов в истории тип общества, который социологи называют индустриальным. Господствующим началом в таком обществе стала как раз целевая рациональность.

Можно сказать, что Вебер связывает специфику рациональности с различными типами социокультурных систем. Это открывает перспективу построения типологии рациональности на основе изучения социокультурных контекстов деятельности и мышления. Нетрудно обратить внимание, что истолкование рациональности через представление о целях деятельности остается неполным. Поскольку действие, будучи сообразным определенной цели, может быть разрушительным с точки зрения более отдаленных, но в то же время и более близких целей человека, что становится ясным на примере глобального экологического кризиса. Согласно взглядам М. Вебера, человеческий мир является миром культуры именно потому, что он организован *смысловым* образом. Такая организованность, просветленность смыслами, проистекает из того, что люди, его создавшие, живут и действуют «со смыслом», т. е. ставят *перед собой* (впереди себя) определенные цели, добиваются осуществления этих целей, воплощают их в действительность. Однако особенность партикулярных человеческих целей заключается в том, что по их достижении они утрачивают притягательность, свою

побуждающую к действию силу. Вместе с этим утрачивается и способность таких целей освещать более отдаленные перспективы человеческой жизнедеятельности. Отсюда, собственно, и проистекает особое значение в человеческой жизни отдаленных целей, организующих ее как некое целое. Человек вместе с этой целью (идеей) выбирает соответствующую логику действий, – а это и есть изначальный импульс рациональности. Так, с нашей точки зрения, можно проинтерпретировать связь двух указанных выше категорий – «смысл» и «рациональность».

Представленные выше подходы к смысловой реконструкции феномена рациональности, безусловно, не являются исчерпывающими. В современной методологии науки предлагается и обосновывается целый спектр значений рациональности: закрытая и открытая, логическая, эмпирическая, нормативная, содержательно-научная и др. Не претендуя на полноту, можно отметить, что задача по определению феномена рациональности оказалась крайне сложной. При этом углубленная разработка любой из трех рассмотренных выше исследовательских парадигм приводит к тому, что сам образующий субстрат рациональности – будь то разум, особый научный метод или деятельность, целиком отвечающая своей цели и контексту, оказывается неадекватной абстракцией, а при попытке сделать его более конкретным и содержательным исчезает противопоставление рационального и иррационального. Сами характеристики рационального познания оказались внутренне и исторически изменчивы. Это дает основание заключить, что понять эти изменения, объяснить сущность рациональности, исходя только из внутренней логики познания, до конца невозможно. Необходимо выйти за ограниченные в данном случае рамки собственно когнитивной активности и попытаться обнаружить проявления этой рациональности вне «тела познания» – в социально-культурном контексте, в который неотъемлемой частью вписано человеческое познание. Нам представляется, что на этом пути открывается более широкое поле в интерпретации рациональности, суть которой можно свести к следующему.

В каждый момент своей истории человек осуществляет жизнедеятельность в определенных природных и социально-культурных условиях. При этом жизнедеятельность может как соответствовать этим условиям, так и противоречить им. Рациональность как раз и характеризует *степень* соответствия человеческого существования сложившимся природным и социально-культурным условиям. Она, таким образом, не порождается какой-то внутренней мощью разума и, уж тем более, не является имманентным свойством природы «самой по себе». Рациональность – это особый параметр любой человеческой деятельности, который выражает *меру* согласованности всех ее сторон: субъектной (целеполагающей), общественной (условия, средства), природной (материал). Только на базе такой взаимосогласованности формируются общепринятые («естественные», «разумные») способы деятельности. Источник рациональности – общественная практика человека. В ее лоне складываются всеобщие черты рациональности, которая резонирует во все сферы человеческой жизнедеятельности и порождает в них многообразные предметные формы – от рациональности познания и духовной жизни до рациональности повседневного поведения и межличностного общения. При этом рациональность и ее конкретные формы так же историчны и социальны, как и вся человеческая практика.

Науку можно квалифицировать как самую совершенную форму рациональности, выражающую последнюю в наиболее рафинированном, полном и законченном виде. Рациональность предстает в науке одновременно основой, условием и способом познания. Она характеризуется, во-первых, установкой на возможно более широкое, адекватное постижение реальности. Эта установка составляет главный идейный стержень научной рациональности, без которого последняя просто теряет всякий смысл. Во-вторых,

научная рациональность отличается целостным строением. Оно включает в себя не просто отдельные теории, понятия, идеи, принципы сами по себе, но их системы, которые выступают основаниями накопления, описания и понимания изучаемых явлений. Так, выделяются мировоззренческие основания научного исследования (научная картина мира, философские идеи и принципы), логико-гносеологические идеалы и нормы познавательной деятельности, формы и способы организации знания, методологические средства, регулятивные принципы, процедуры и критерии удостоверения результатов познания и некоторые другие [см. подр.: 10, с. 706–707].

Содержание научной рациональности исторически изменчиво. Никаких абсолютных, универсальных типов научной рациональности не существует. В силу этих обстоятельств можно говорить лишь об *исторических типах* научной рациональности. Под ними подразумеваются системы логико-гносеологических, методологических и мировоззренческих правил, принципов, идей, которые формируются в процессе научного познания и закрепляются в виде конкретно-исторических норм научной деятельности [см. подр.: 4, с. 10–20]. Иначе говоря, исторический тип научной рациональности заключает в себе эталонные программы научного исследования, принятые как необходимые и естественные в соответствующих культурно-исторических условиях. Каждый исторический тип научной рациональности существует в единстве своих исторически неповторимых и одновременно универсальных, «сквозных» черт. К последним, проходящим через всю историю научного познания, относятся: системность, доказательность, логическая строгость, концептуальность, рефлективность, теоретичность, объективность результатов, интерсубъективность.

Изменение и развитие научной рациональности обусловлено двумя группами факторов. С одной стороны, характером исследуемых объектов (предметная детерминация); с другой – социально-культурными и историческими условиями, в которых осуществляется научное познание. Именно в соответствии с ними у ученых формируются идеалы и всеобщие нормы познавательной деятельности. Это позволяет говорить о становлении нового исторического типа рациональности. Различие исторических типов рациональности наиболее резко бросается в глаза при изучении переломных эпох в развитии науки. Как раз в эти эпохи, которые принято называть эпохами научных революций, в центре внимания самих действующих лиц оказываются те концептуальные моменты, что отличают вновь создаваемую научную теорию от традиционной. Так, Галилей в «Диалогах о двух системах мира» дал анализ двух типов рациональности, вступивших между собой в противоборство в эпоху формирования новоевропейской науки и представленных, с одной стороны, аристотелевской натурфилософией, с другой – возникающим и делающим первые шаги экспериментально-математическим естествознанием. «Галилей одним из первых задал ту парадигму, которой затем на протяжении долгого времени руководствовались ученые, когда заходила речь о ниспровергнутой теории: перипатетическая физика и натурфилософия в целом в глазах научного сообщества XVII–XX вв. выглядела как ненаучная и лишенная какой бы то ни было теоретической значимости» [5, с. 29].

И только в XX в., благодаря исторической реконструкции, проделанной плеядой замечательных историков науки, и самокритике новоевропейской науки стало наконец возможным адекватно оценить два типа рациональности – антично-средневековый и новоевропейский. Только в этот исторический период удалось продемонстрировать, что физика Аристотеля, хотя уже и отжила свой век, тем не менее «была прекрасно разработанной наукой, хотя она и не была математической. Она не являлась ни плодом детской фантазии, ни топорно сколоченной системой словопрений здравого смысла: это была теория, т. е. некоторое учение, которое, естественным образом исходя из данных

здравого смысла, подвергало их чрезвычайно связному и систематическому истолкованию» [8, с. 132].

Итак, исследование исторических типов научной рациональности выходит за рамки изучения и сопоставления научных теорий и предполагает рассмотрение философско-методологических предпосылок, в конечном счете – реконструкцию того духовного контекста, той смысловой сетки, которая в каждую эпоху определяет человеческую деятельность и мышление. Собственно, эта сетка и образует тот незримый общий фон, на котором наука, искусство и философия наносят свой неповторимый узор. Без выявления такого фона вряд ли возможно подлинное постижение того, что мы сегодня называем типом рациональности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вебер М.* Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 804 с.

2. *Гайденко П. П.* Проблема рациональности на исходе XX века // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 3–13.

3. *Касавин И.*, *Сокулер З.* Рациональность в познании и практике: Критический очерк. М.: Наука, 1989. 191 с.

4. *Кизима В. В.* Культурно-исторический прогресс и проблема рациональности. Киев: Наукова Думка, 1985. 214 с.

5. *Койре А.* Очерки истории философской мысли. М.: Прогресс, 1985. 286 с.

6. *Мудрагей Н.* Проблема рационального и иррационального: античность, средневековье // Философия науки: Сб. статей. М.: Наука, 1994. С. 100–110.

7. Новые информационные технологии и судьбы рациональности в современной культуре (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2003. № 12. С. 3–52.

8. Рациональность на перепутье. М.: Росспэн, 1999. Т. 2. 463 с.

9. Рациональность на перепутье: В 2 т. / Редкол.: П. П. Гайденко и др. М.: Росспэн, 1999. Т. 1. 367 с., Т. 2 463 с.; *Рутманис К.* Идея рациональности в философии. Рига: Зинатне, 1990. 154 с.; *Рац М.* Воинствующий рационализм или «разумная рациональность»? // Вопросы философии. 2002. № 6. С. 19–28; *Касавин И.*, *Сокулер З.* Рациональность в познании и практике: Критический очерк. М.: Наука, 1989. 192 с.; *Швырев В. С.* Рациональность в современной культуре // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 105–116.

10. *Степин В. С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-традиция, 2000. 744 с.

11. *Фейерабенд П.* Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. 543 с.

12. *Хабермас Ю.* Теория коммуникативного действия // Вестник МГУ. Сер. 7, Философия. 1993. № 4. С. 43–62.

13. *Юлина Н.* Образы науки и поиски альтернативному демаркационизму// Вопросы философии. М.: 1981. № 5. С. 66–67.

14. *Zimmerli W.* Die Grenzen der Rationalitat als Problem der europaischen Gegenwarts Philosophie // Zur Kritik der wissenschaftlichen Rationalitat. Hrsg. von H.Lenk. Feiburg-Munchen, 1986. 327 S.